

А. С. Запесоцкий⁵

ПОЧЕМУ РОССИЯ ПРОИГРЫВАЕТ В ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Через 20 лет после радикальной смены в России типа социально-экономической формации стало очевидным ее катастрофическое отставание в темпах развития от Запада. Еще больше отставание от других стран БРИКС.

⁵ Ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик и член Президиума Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Научный руководитель Санкт-Петербургского научно-образовательного культурологического центра РАО и Института культурологии образования РАО. Председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике. Заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга. Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции. Член правления Российского детского фонда.

Автор свыше 1700 публикаций. Член редколлегий журналов «Педагогика», «Литературная учеба», «Философия и культура», «Вопросы культурологии», «Симург» (Азербайджан).

Награжден орденом Дружбы, медалями «За спасение утопающих» и «В память 300-летия Санкт-Петербурга». Кавалер медали К. Д. Ушинского, Золотой медали Российской академии образования, Золотой медали Льва Толстого Международной ассоциации писателей и публицистов (Париж). Награжден почетным знаком Министрства культуры Болгарии «Печать царя Симеона I».

Лауреат премий Правительства РФ (2007) и Правительства Санкт-Петербурга (2010) в области образования и Горьковской литературной премии. Почетный доктор университетов США, Ирландии и Украины. Академик Академии наук и искусств (Париж), Европейской академии наук и искусств (Зальцбург). Заслуженный артист РФ.

Властные структуры страны и обслуживающие их псевдонаучные центры до сих пор руководствуются устаревшим советским пониманием марксизма в части интерпретации экономики как «базиса» социально-экономической формации и культуры как «надстройки», в то время как давно известно, что экономика является подсистемой культуры. Игнорирование этого положения в сочетании с приверженностью к ультралиберальной идеологии приводит к катастрофическим результатам. Наиболее отчетливо это проявляется в провале очередной кампании российских властей по «модернизации» страны.

Известно, что в наиболее общем виде модернизация понимается специалистами как переход от цивилизации традиционного типа к техногенной цивилизации. Качественные различия между этими типами блестяще сформулированы В. С. Степиным [1].

По-видимому, самой большой проблемой российской модернизации является невежество чиновников, ответственных за ее осуществление. К сожалению, модернизация в России нередко понимается госаппаратом как вложение средств в развитие отдельных наукоемких отраслей, применение апробированных в мировом сообществе форм активизации научной жизни (технопарки, кластеры и т. д.), обучение молодежи работе на новом оборудовании. Единственный вид мотивации ученых и инженеров, который при этом предусматривается, — выгода. Об этом, к примеру, достаточно чет-

ко говорят высокопоставленные чиновники на совещаниях по проблемам реализации проекта «Сколково». Подобная позиция содержит игнорирование системы ценностей, потребностей, мотивов деятельности нормального для любого современного общества человека. Не менее существенно и то, что организаторы модернизации нередко весьма смутно представляют себе, откуда вообще берутся люди, способные по своим квалификационным характеристикам ее осуществлять, и какие отношения между этими людьми должны быть установлены.

По сути, позиция чиновников обычно сводится к вульгарно-предпринимательскому подходу: «есть проблема — дадим нужные команды, заплатим деньги за ресурсы, реализуем проект, получим в результате материальную выгоду». Разумеется, подобный подход в принципе является отрицанием знания, накопленного современной наукой в отношении государственного управления социально-экономическим развитием. Между тем судьба российской модернизации и развитие экономики определяются состоянием отечественной науки, культуры и образования. Выделения средств и использования административного ресурса здесь недостаточно.

Хорошо известно, к примеру, что научно-технический прогресс, внедрение инноваций неразрывно связаны не только с привлечением талантливых ученых-изобретателей, созданием условий для их работы, но и с наличием в стране целого слоя населения, вовлеченного в научно-исследовательские и опытно-экспериментальные работы. Взаимосвязь НИОКР со сценариями развития экономики России достаточно обстоятельно показана в докладе А. А. Акаева, В. А. Садовниченко, И. Е. Ануфриева «Математические модели для долгосрочного прогнозирования демографического, экономического и энергоэкологического развития мира и отдельных стран», недавно предложенного вниманию Президиума РАН.

В частности, авторы пишут: «Общая численность ученых и инженерно-технических работников, занятых в сфере НИОКР России, сегодня составляет примерно 445 тыс. чел. против 1,08 млн чел. в 1991 году. Для сравнения в Китае — около 1 млн чел., больше только в США — 1,3 млн чел. Хотя Россия по численности занятых в сфере НИОКР все еще входит в группу высокоразвитых стран, однако по объему финансирования сильно отстает от них, вследствие чего и продолжается технологическая деградация. Действительно, в 2009 г. доля расходов на НИОКР в ВВП России упала до 1 % ВВП, тогда как в США — 2,7 %, Германии — 2,5 %, а в Японии — 3,4 % ВВП. Снижение численности занятых в НИОКР России более чем в два раза за 20 лет серьезно сказалось на конкурентоспособности российской экономики» [2].

Но если для поддержания конкурентоспособности в глобальном мире России нужно от 0,5 до 1 млн высококвалифицированных кадров в инженерно-технической сфере, то встает вопрос: откуда мы их возьмем? Другой, не менее важный вопрос: каким образом Россия сможет обеспечить для этих специалистов приемлемую социально-культурную среду? Речь

идет о врачах, сотрудниках правоохранительных органов, учителях для детей, сантехниках для обслуживания коттеджей и т. д. Времена, когда гениев можно было держать в сталинских «шарашках», канули в прошлое. В связи с этим ни один проект типа «Сколково», даже при его самой успешной реализации, не решает проблем, стоящих перед Россией. Модернизация невозможна без достаточного общеобразовательного, общекультурного уровня всего населения. Не случайно в советской России индустриализация начиналась с подъема просвещения и образования, колоссальных вложений в искусство и общую культуру масс, а прорыву в космос и строительству атомных подводных лодок предшествовала сталинская реформа образования.

Культура задает человеку идеалы, примеры для подражания, символы, образцы поведения, понятия о добре и зле, плохом и хорошем поступке. Культура является источником эталонов социализации и базовых социальных черт (язык, ценности, картины мира, нормы жизнедеятельности), ориентирует человека на общественно одобряемые качества, модели деятельности. Мера типичного, так же как и поощряемого или отвергаемого, варьируется в разных слоях общества, в разных социальных группах. Но культура задает эталоны и идеалы, побуждает людей стремиться к самосовершенствованию.

Сегодня уместно задуматься: может ли модернизация быть осуществлена в условиях духовно-нравственного кризиса, культурной деградации страны, пребывания необычайно большой части населения в депрессии? Упомянем лишь некоторые из симптомов беды. Количество убийств на 100 тыс. жителей в нашей стране сейчас почти в 4 раза больше, чем в далеких от благополучия США, и примерно в 10 раз больше, чем в европейских странах. По количеству самоубийств Россия в 3 раза опережает США, занимая второе место в Европе. По индексу коррупции наша страна неуклонно опускается в мировой «табели о рангах» и находится в последние годы в группе 20 % самых неблагополучных государств планеты в компании с Кенией, Камеруном и Зимбабве. По смертности от отравления алкоголем мы находимся на первом месте в Европе, по ожидаемой при рождении продолжительности жизни — на последнем месте среди развитых государств и европейских стран с развитой и переходной экономикой. По числу аборт на 1 тыс. женщин Россия лидирует в Восточной Европе и СНГ и т. д. [3]. Это все — не просто характеристики качества жизни российских «низов». Это — свойства социально-культурной среды работающего в нашей стране ученого.

Следующая проблема: что за поколение вступает сегодня во взрослую жизнь, по плечу ли ему модернизация? Типичные данные официальной статистики таковы. За последние 15 лет катастрофически упал интерес детей к чтению, доля регулярно читающих сократилась с 50 до 18 %. В стране зарегистрированы десятки тысяч несовершеннолетних, страдающих алкоголизмом; алкогольные напитки употребляют более 80 % молодежи и почти 40 % школьников. Доля курящих подростков за 15 лет утроилась. Среди наркоманов (около 3 млн чел.) более 80 % — дети и молодежь.

Средний возраст впервые пробующих наркотики снизился с 17 до 14 лет.

Около 30 % детей рождаются в незарегистрированных браках. За последние 15 лет число детей-сирот возросло более чем на 75 %. Если в 1995 году на 21 млн школьников приходилось 450 тыс. детей-сирот, то в 2008-м на 13,3 млн школьников приходилось уже более 900 тыс. детей-сирот. Критически высок уровень насилия в отношении несовершеннолетних, в том числе семейного насилия. В 2007 году совершено 70 380 преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении несовершеннолетних. Ежегодно 2 тыс. детей становятся жертвами убийств или получают тяжкие телесные повреждения, 50 тыс. убегают из дома, 25 тыс. пропадают. Более 20 % детской порнографии, распространяемой по всему миру, снимается в России. Около 40 тыс. российских детей школьного возраста вообще не посещают школу. Темпы роста детской преступности в 15 раз опережают общее увеличение правонарушений в стране. В российских местах заключения пребывает около 40 тыс. несовершеннолетних преступников, что примерно в 3 раза больше, чем в СССР начала 1930-х годов.

Кризис российской семьи очевиден. Достаточно сказать, что каждый год 5 тыс. женщин гибнут от побоев, нанесенных мужьями. Насилие над женами, престарелыми родителями и детьми фиксируется в каждой четвертой семье. По количеству разводов на 1 тыс. жителей наша страна занимает первое место в мире среди стран с развитой и переходной экономикой. И из этой среды страна в дальнейшем будет черпать новых Курчатовых, Королевых и Алферовых? Может ли средне-статистическая российская семья содействовать ребенку в развитии природных задатков, творческих способностей, подготовить его к жизни в инновационном обществе — вопрос риторический.

Немногом лучше дело обстоит с образованием. Оно в силу своей консервативности разрушается медленно, но неуклонно. Страна погрузилась в дремучее невежество. Как мы уже говорили на Чтениях, по последним опросам населения, свыше 93 % граждан не могут назвать ни одного современного ученого. Свыше 30 % населения России искренне убеждены в том, что Солнце вращается вокруг Земли.

В стране катастрофически не хватает детских дошкольных учреждений. Падает качество работы средней школы. По нашим замерам реальная обеспеченность знаниями школьной оценки 4,2, выставяемой старшеклассникам в 2005 году, составляла 3,8. В 2011 году — 2,8. За это же время значительно понизилась способность старшеклассников к выполнению простейших научных исследований под руководством учителя, умение самостоятельно работать с информацией. В 2011 году среди школьников со средним баллом 4,2 к самостоятельной работе оказались готовы не более 30 % старшеклассников. Психологическое тестирование старшеклассников показывает неуклонное падение способности работать в коллективе, рост жестокости и индивидуализма.

В вузах постсоветского периода почти повсеместно произошел отказ от проведения воспитательной ра-

боты со студентами, что резко негативно сказалось на качестве образования. Ректоры ведущих вузов страны серьезно озабочены падением мотивации студентов к учебе, желанием соблюдать дисциплину и трудиться, овладевая знаниями. Общественность бьет тревогу в связи с коррупционным разложением вузов. Работодателей все меньше устраивает качество подготовки выпускников и их способность к продуктивной деятельности.

Аналитики констатируют сущностное перерождение высшей школы под влиянием реформ последних лет, цели, задачи, содержание, методы и темпы которых не приняты обществом. Высшее образование теряет свою фундаментальность, ранее основанную на формировании целостного, системного видения картины мира и внимания к фундаментальным, обобщающим теориям. Теперь фундаментальные концепции постепенно выводятся из сферы высшего образования. Кроме того, профессиональная подготовка оказывается не связана с обретением ориентиров в морали. В этой ситуации студенты фактически побуждаются к выработке собственных критериев оценки своей деятельности и деятельности других людей. В итоге вузы выпускают во взрослую жизнь все более морально неукорененных и социально безответственных людей. Надеяться на то, что кадры подобного рода окажутся способны обеспечить модернизацию России, прорыв страны в инновационное будущее, не представляется возможным.

В советское время значительный вклад в развитие общекультурного уровня населения вносили учреждения культуры: кинотеатры, библиотеки, музеи, театры, клубы и др. По нашим исследованиям, в последние годы влияние всей этой системы существенно уменьшилось [4]. Подавляющая часть населения его не испытывает вовсе.

Резко противоречит задачам модернизации страны деятельность основного массива российских СМИ последнего 20-летия, в особенности — ведущих федеральных телеканалов. С конца XX века доступ к культуре все больше означает доступ к информационным потокам, формирование которых сосредоточивается в руках узких групп лиц, занимающихся скрытым регулированием и манипулированием процессами развития и распространения культуры в своих интересах, весьма далеких от понятия общественного блага. Как уже говорилось на Чтениях в 2010 году, современная ситуация характеризуется не только увеличением объемов информационных потоков, циркулирующих в обществе, и повышением мощности информационных систем, — на этой основе формируется «информационное общество» — государственно-монополистическая организация, охватывающая не только материальную сферу, но и сознание людей. Производство смыслов жизни, смыслов поступков, формирующихся в человеческом сознании, превращается в самостоятельную отрасль экономики и пронизывает все традиционные сферы производства [5].

Как полагают многие аналитики, к концу XX века демократические способы организации жизни общества все больше начинают испытывать деформации и уступать место скрытым формам регулирования эко-

номических и социально-культурных процессов со стороны властвующих элит. Инструментами такого регулирования выступают информационные потоки.

По сравнению с другими социальными институтами влияние СМИ на сознание людей и общее состояние культуры наций неуклонно растет и достигло к настоящему времени беспрецедентных масштабов. В ряде случаев это влияние уже перевешивает воздействие всех прочих факторов, вместе взятых. Федеральные телеканалы превратились с 1990-х годов в ключевой, системообразующий элемент не только информационного поля, но и всего духовно-нравственного пространства страны. Формирование картины мира и системы ценностей человека, багажа знаний, отношения к жизни и отдельным ее явлениям, структуры интересов, мотивации к той или иной деятельности, культуры речи и бытового поведения и тому подобное — все то, чем раньше занимались родители, педагоги, профессора, деятели культуры и искусства, выдающиеся писатели, — берет на себе телевидение [6].

Одной из существенных черт изменения образа жизни россиян в постсоветский период стало «последовательное одомашнивание досуга, объединение его структуры» [7]. При этом в свободное время около 60 % россиян предпочитают дома смотреть телевизор [8]. Телевидение абсолютно доминирует в структуре досуга жителей страны как по затрачиваемому на просмотр телепередач времени, так и по числу людей, занимающих ежевечерне места перед экранами телевизоров. Величина среднесуточной аудитории телевидения (выраженная в показателях охвата — количество человек, включивших телевизор) колеблется в интервале 75–80 % населения [9].

Телевидение исполняет роль главного архитектора в строительстве новой национальной культуры, игнорирующей прошлое. Точками роста этой «культуры» выступают не базовые ценности российского общества, коренящиеся в толще веков отечественной истории, а субкультурные образования типа «гламура» — субкультуры новых русских. Образно говоря, новая культура строится телевидением не на фундаменте старой, а в стороне от нее — на груде обломков культурных элементов, ранее уже доказавших свою несостоятельность, отвергнутых человечеством.

Как мы отмечали на Чтениях в 2011 году, самобытный тип культуры, формирующийся в России, не имеет современных аналогов за рубежом. Наиболее близкий аналог — Древний Рим эпохи деградации и упадка, фактически принятый за образец московской «элитой» в начале 1990-х. В этой культуре нет места таким ценностям, как труд, честность, патриотизм, дружба, любовь, профессиональный долг, уважение к истории, почитание старших и т. д. В ней осуществлена замена народной культуры на массовую, так называемую поп-культуру. В итоге страна лишилась великой национальной культуры как магистрального пути собственного развития [10, с. 505].

Существуют серьезные основания полагать, что общее падение культуры сопровождается понижением интеллектуального уровня населения страны. Известно, что по мере взросления человека интеллект, буду-

чи исходно природным качеством, оказывается и продуктом общекультурного развития. То есть успешная работа, к примеру, в области высоких технологий в существенной степени связана с тем, какую литературу индивидум читал в детстве, какие фильмы смотрел, имел ли практику регулярных и длительных интеллектуальных усилий.

Деформации воспроизводства и развития культуры в России привели к тому, что «общество потребления» — метафора, применяемая западными интеллектуалами для обозначения всего лишь одной из спектра тенденции развития современного общества, — стало у нас полномасштабной характеристикой сложившейся ситуации. В стране создано общество, которое научилось потреблять, но все хуже умеет производить.

Сегодня становится все более очевидным, что в основу российских реформ 1990-х годов положены порочные идеи и принципы, ведущие к потере страной конкурентоспособности в глобализирующемся мире. Тогда реформаторы провозгласили принцип государственной политики: «Сначала — экономика, затем — культура». Было заявлено, что любые заботы о культуре следует отложить до тех пор, пока рост капиталистической экономики не позволит государству вкладывать средства в культурное развитие. Как известно, переход к капиталистическому укладу хозяйствования сопровождался развалом экономической жизни России. Затем катастрофический спад сменился некоторым подъемом. Однако вопрос о достижении Россией ВВП конца 1980-х годов остается до настоящего времени дискуссионным. Согласно официальной статистике, это произошло. Но многие авторитетные эксперты выражают сомнения в методике подсчета, указывая, что в конечную цену продукта включаются спекулятивные добавки стоимости. То есть рост цен выдается за рост ВВП.

Как бы то ни было, и 20 лет спустя после начала реформ культурное развитие населения остается пасынком государственного аппарата. Теперь реформаторы выдвинули концепцию «перевода культуры на самокупаемость», сделав культурное развитие России заложником дефективной экономической системы.

Между тем как провозглашенная в 1990-е годы политика «несвоевременности» культурного развития, так и реализуемая ныне политика перевода этого развития на рыночные рельсы содержат крупнейшие теоретические ошибки. Имя им — экономический детерминизм.

Экономический детерминизм первых постсоветских лет был порожден, по всей видимости, двумя причинами. Во-первых, личными интересами реформаторов, стремившихся обогатиться безнравственными методами (культура содержит нравственные ограничения и запреты). Во-вторых, плохим экономическим образованием власть имущих, превративших в советское время учение Маркса, в частности, положение о том, что «бытие определяет сознание» и «экономика является базисом, культура — надстройкой». На самом деле, как известно, Маркс хорошо понимал, и что сознание во многом определяет бытие, и что культура в ряде случаев оказывает решающее влияние на преобразование экономических отношений в обществе.

Более того, современное понимание культуры полагает экономику всего лишь ее частью, подсистемой, сопряженной с целым множеством не исследованных до последнего времени связей. В связи с этим передовая экономическая мысль России переосмысливает в последние годы идеи великих мыслителей прошлого — о роли неэкономических факторов в экономическом развитии [11–14].

Желание отдать культурное развитие на откуп рынку также имеет под собой основу в виде понятных интересов чиновничества: «Вы там занимайтесь своей культурой, если найдете желающих за нее заплатить, а мы тут будем продолжать осваивать государственные бюджеты». Но и ошибочные теоретические постулаты о якобы существующем всесии «невидимой руки рынка» также сказываются. Между тем интеграция рыночных механизмов в деятельность различных социальных институтов имеет различные пределы. Это — аксиома современного социально-гуманитарного знания. Превышение пределов приводит к перерождению самих институтов. Что и происходит сегодня.

В мировой практике задачи модернизации решались разными странами по-разному, но всегда — в опоре на достижения национальной культуры. В странах Восточной Европы при переходе от социалистической к капиталистической системе хозяйствования вопрос культурной трансформации решался однозначно — путем перехода к культурному укладу Европейского Союза. Нужный Евросоюзу культурный уклад технологически обеспечивался введением правовых и социально-экономических стандартов ЕС, созданием и функционированием по этим стандартам государственного аппарата, социальных институтов общества, институтов общественной жизни (институтов гражданского общества) и т. д. Однако во главу угла при поглощении этих стран европейским сообществом ставилось в первую очередь принятие ими общеевропейских ценностей.

Следует отметить, что декларируемые ЕС «общие ценности» в существенной степени соответствовали национальным культурным традициям присоединяемых стран и были способны обеспечить устойчивый национальный консенсус по отношению к реформам. Иной вопрос, насколько реформы в странах Восточной Европы являлись модернизацией и что они реально дали различным социально-демографическим группам населения. Однако реформы были доведены до конца и по ряду показателей качества жизни эти страны начали приближаться к лидерам Евросоюза.

Для России подобный путь был неприемлем, поскольку означал утрату национального суверенитета и переход контроля за ключевыми позициями в экономике к западным корпорациям. Значительно больший интерес в данной связи представляет опыт Японии, Китая, Южной Кореи. Эти страны не были поглощены Западом и не копировали западный уклад жизни. Каждая из них добилась успехов в модернизации эволюционным путем, опираясь на базовые культурные ценности.

Наиболее показателен в связи с этим опыт Южной Кореи. Вопреки заверениям современных западных теоретиков об однозначной связи прогресса в эконо-

мике с развитием демократии, опыт этой страны говорит об ином: прогресс в экономике возможен только в сочетании с устойчивым развитием культуры. Корейские успехи состоялись в условиях военной диктатуры и явились следствием разумной культурной политики. Правда, эта политика была выработана не сразу. С 1948 по 1960 год культурное развитие в стране ориентировалось на западные образцы. Был достигнут прогресс в укреплении материальной базы учреждений культуры и искусства, подготовке кадров работников культуры, развитии профессиональных объединений интеллигенции. Однако в этот период в страну хлынул поток низкопробной массовой культуры Запада, в упадок пришла традиционная национальная культура.

В 1960 году был сделан вывод, что чрезмерное поклонение чуждой культуре наносит непоправимый вред нации, что западные ценности могут быть привнесены в Корею, только пройдя фильтры ее собственного национально-культурного опыта. Технологии решения экономических проблем были поставлены в зависимость от корейского исторического наследия, национальной этики. Это означало коренную модернизацию экономики в опоре на традиционные ценности корейского народа. И реализовывалась данная линия методами диктатуры. В 1966 году в стране был принят ряд важных нормативных актов, ограничивающих негативное влияние чуждых культурных ценностей через кинематограф, рекламу и др. В то же время государство приняло ряд мер, нацеленных на подъем народного творчества, художественных ремесел. Огромное внимание стало уделяться объектам материальной культуры, развитию культуры в провинции.

Дальнейший рост экономики, обогащение граждан оказались подчинены традиционной конфуцианской этике. Культ долга, семьи, отношения к предкам, сыновней почтительности, подчинения государству и начальнику и тому подобное — все это, помноженное на использование технологических достижений Запада и экспортно ориентированную экономику, и составило основу феноменального расцвета Республики Корея. Экономические успехи шли рука об руку с ростом национального самосознания корейцев. Росла зрелость общества. В 1988 году в стране произошли демократические выборы. Нравственное обновление и прогресс в культуре открыли дорогу свободе слова и творчества, подъему творческой интеллигенции [см. подробнее 10, с. 71].

Подобный опыт убеждает, что любая страна сильна прежде всего своим духовным потенциалом, ее развитие зависит в первую очередь от нравственного здоровья нации. Вот почему курс на модернизацию нам в России следует понимать как систему мер, направленных в первую очередь на укрепление науки, культуры, образования, на преодоление кризиса социально-культурной сферы. Только в таком случае Россия может рассчитывать на успехи в глобальной конкуренции.

Литература

1. Запесоцкий А. С. Теория культуры академика В. С. Степина / А. С. Запесоцкий. — СПб.: СПбГУП, 2010. — С. 41–47.
2. Цит. по рукописи, представленной автору академиком А. Акаевым.

3. Юревич А. В. Нравственное состояние современного российского общества // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Науч. и публицист. заметки обществоведов / А. В. Юревич ; рук. междисциплинар. проекта и науч. ред. О. Т. Богомолов. — М. : ИНЭС, 2010. — С. 152–173.
4. Запесоцкий А. С. Обеспечение права на доступ к пользованию достижениями культуры — условие формирования социального качества жизни / А. С. Запесоцкий // Права человека и правовое социальное государство в России / кол. авт.: Н. А. Воронина, А. С. Запесоцкий, В. А. Карташкин, А. Г. Лисицын-Светланов [и др.] ; рук. авт. кол. и отв. ред. Е. А. Лукашева. — М. : Норма, 2011. — Гл. IV. — С. 182–205.
5. Мамардашвили М. К. Интеллигенция в современном обществе / М. К. Мамардашвили // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. — 2-е изд., изм. и доп. / сост. и общ. ред. Ю. П. Сенокосова. — М. : Прогресс : Культура, 1992. — С. 283–290.
6. Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : X Международные Лихачевские научные чтения, 13–14 мая 2010 г. — СПб. : СПбГУП, 2010. Т. 1 : Доклады. — С. 425–426.
7. Дубин Б. В. Читатель в обществе зрителей / Б. В. Дубин // Знамя. — 2004. — № 5. — С. 169.
8. ВЦИОМ: большинство россиян в свободное время смотрят телевизор [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа : <http://telecom.cnews.ru/news/line/index.shtml?2008/05/06/299506>
9. Полуэхтова И. А. Социокультурная динамика российской аудитории телевидения : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / И. А. Полуэхтова. — М., 2008 [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа : http://dibase.ru/article/22092008_poluekhtovaia
10. Диалог культур в условиях глобализации : XI Международные Лихачевские научные чтения, 12–13 мая 2011 г. — СПб. : СПбГУП, 2011. — Т. 1 : Доклады.
11. Богомолов О. Т. Раздумья о былом и насущном / О. Т. Богомолов. — М. : Ин-т экон. стратегий, 2007.
12. Богомолов О. Т. Экономика и общественная среда / О. Т. Богомолов // Экономическая наука современной России. — 2005. — № 4. — С. 7–17.
13. Богомолов О. Т. Экономика и социальная среда / О. Т. Богомолов // Вестник Российской академии наук. — 2005. — Т. 75, № 9. — С. 779–787.
14. Власов Ф. Б. Эволюция нравственного сознания и социально-экономическое развитие / Ф. Б. Власов ; науч. ред. М. С. Мотышина. — СПб. : СПбГУП, 2011. — (Новое в гуманитарных науках ; Вып. 51).